Фармакологические испытания проводили на наркотизированных белых крысах, массой 230–250 г. Летальную хлоридкальциевую тахиаритмию вызывали по стандартной методике, описанной в руководстве «Методы поиска и доклинического исследования специфической активности потенциальных сердечно-сосудистых средств» и согласно «Руководству по экспериментальному (доклиническому) изучению новых фармакологических веществ» [2].

Результаты исследования и их обсуждение. Исследования показали, что единственно возможным способом получения гранулята является влажное гранулирование с добавлением вспомогательных веществ (наполнителей, лубрикантов, связующих, глидантов, антиадгерентов). Всего было испытано 6 разных составов. В результате поиска был выбран состав таблеток, включающий 0,06 г анилокаина, вспомогательных веществ: лактозы, кальция дигидрофосфата, микрокристаллической целлюлозы, крахмала кукурузного, магния стеарата, пласдона S630 (в виде 10% спиртового раствора) до средней массы таблетки 0,2 г. Полученные таблетки были проанализированы на соответствие требованиям действующей нормативной документации по показателям: распадаемость, средняя масса и отклонения от средней массы, истираемость. Таблетки полностью соответствовали требованиям НД.

Исследования на хлоридкальциевой модели тахиаритмий показали, что анилокаин (10 мг/кг массы тела животного) при внутривенном введении за 120 секунд до применения аритмогенного средства – хлорида кальция достоверно увеличивал время жизни животных на 418% по сравнению с контрольными опытами.

Выводы. Разработана новая лекарственная форма – таблетки анилокаина для перорального использования.

Список литературы

1. Исследование роли нейро-гуморальных систем в патогенезе экспериментальной хронической сердечной недостаточности / С.Ф. Дугин, Е.А. Городецкая, М.Н. Ивашев, А.Н. Крутиков // Информационный бюллетень РФФИ. – 1994. – Т. 2. – № 4. – С. 292.

2. Биологическая активность соединений, полученных синтетическим путем / М.Н.Ивашев [и др.] // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 7. – Ч.2. – С. 441–444.

3. Эффекты феруловой кислоты при адреналиновой тахиаритмии у животных / М.Н. Ивашев, Р.Е. Чуклин, Г.В. Масликова, А.А. Круглая // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 11. – С. 18–19.

4. Эффекты церебролизина при адреналиновой тахиаритмии у крыс / Г.М. Оганова, К.Х. Масликова, М.Н. Ивашев, Г.В. Масликова // Современные наукоемкие технологии. – 2012. – № 12. – С. 29.

5. Саркисян К.Х. Фармакотерапия аритмий / К.Х. Саркисян, М.Н. Ивашев // Новая аптека. – 2009. – № 8. – С. 43–45.

6. Скоробогатова, Т.А. Сравнительное изучение антиаритмического действия местных анестетиков амидной группы / Т.А.Скоробогатова, М.Н.Ивашев // Фармация. – 2011. – № 2. – С. 38–40.

7. Чуклин Р.Е. Влияние кофейной кислоты на сердечный ритм / Р.Е. Чуклин, М.Н. Ивашев // Клиническая фармакология и терапия. – 2010. – № 6. – С. 71–72.

Филологические науки

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ТЕОРИИ ЖАНРА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Базылова Б.К.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, e-mail: baglan_5_3@mail.ru

Современное состояние развития филологической науки поставило перед современным литературоведением целый ряд инновационных задач, самой актуальной из которых явилась необходимость выработки концептуально новой методологии литературоведческого исследования и анализа художественного текста. Эти задачи актуализировали такие методы, как герменевтика, имасиология, контекстуальный и имманентно-текстовой анализ, историко-генетический метод, структурный метод, формальный метод, сравнительно-исторический метод, трансформировав систему их теоретико-практических взаимоотношений в бинарности аналитического плана «теоретическая поэтика – интерпретирующая поэтика». С другой стороны, сегодня предпринимаются серьёзные научные попытки к выработке новой методологии в литературоведении, более приспособленной к так называемой «текстовой филологии» (рассмотрение художественных текстов как некой эмпирической данности). Проблема жанра является одной из дискуссионных в современном литературоведении. Сложность ее решения обусловлена тем, жанр – явление, находящееся на пересечении синхронных и диахронных процессов в развитии литературы. Он определяет место соприкосновения литературного произведения и литературного процесса. Принципиальным положением относительно теории жанра было обоснование конкретно-исторического подхода к исследованию литературных явлений, выдвинутое еще Аристотелем. Он видел в родовой специфике выражение общественных отношений определенной эпохи. Та же мысль о зависимости жанра от социальной значимости изображаемого будет высказана позднее в сочинениях Лессинга, а затем подробно разработана в «Эстетике» Гегеля. Определяя основной закон искусства как движение от одной стадии к другой – от символической к классической и далее к романтической – Гегель пришел к выводу о том, что каждому этапу соответствует своя жанровая система. В отличие от Гегеля, Белинский в работе «Разделение поэзии на роды и виды» опирается в создании жанровой типо-

логии на современный ему литературный процесс, привлекая в качестве аргументов произведения русской литературы XIX века.

Проблема жанра, актуализированная в своё время учёными формальной школы и М.М. Бахтиным, в российской науке после очевидного теоретического «застоя» последних десятилетий XX – начала XXI века постепенно выдвигается в центр художественной гносеологии, но трактуется в методологическом отношении по-прежнему неоднозначно. В зарубежном литературоведении она интерпретируется чаще всего в традициях постмодернистской эстетики (П. Рикер, В. Изер, Г. Яусс, П. Шонди, Р. Барт, В. Гейзенберг, Е. Бетти, Р. Божанкова и др.), оставаясь на «частнозначимой периферии литературоведения» [1, с. 7], или в аспекте социологии литературы (П. Бурдьё). Если не наблюдается признаков возрождения и обновления жанрового подхода к литературному тексту, то это, по справедливому утверждению И.П. Смирнова, свидетельствует о «дискредитации теоретизирования в сфере гуманитарных наук» (о кризисе теории литературы) и о тревожной тенденции «растворения литературоведения в иных дисциплинах – в дискурсивных исследованиях в культурологии, в работах по интермедиальности, в социологии символического капитала» и т.д. [1, с. 12]. Генология нередко игнорируется в индивидуальных и коллективных теоретических работах зарубежных учёных (Jahraus Oliver. Literaturtheorie: Theoretische und methodologische Grundlagen der Literaturwissenschaft. / O. Jahraus. – Tübingen; Basel, 2004; Lacoue-Labarthe P. Genre // Postmodern Literary Theory. An Anthology, ed. by N. Lucy. / P. Lacoue-Labarthe, J.-L. Nancy. – Oxford; UK; Maiden; Massachusetts, 2000; Literary Theory Today / ed. by P. Collier, H. Geyer-Ryan. – Cambridge; Oxford, 1990). Такое становится возможным только при формалистическом подходе к проблеме жанра и в условиях ослабления (если не утраты) теоретико-методологического пафоса науки о литературе.

В настоящее время существуют разные концепции жанра: формалистическая, содержательно-типологическая, моделирующая, генетическая, эволюционная [2, с. 36–46]. Одни и те же понятия, например, «жанр», «вид», «жанровое содержание», «жанровая форма», «жанровая норма», «жанровая доминанта», «жанровый тип», «жанровые разновидности», «жанроформирующие», «жанрообразующие факторы» и другие, нередко трактуются по-разному как в смысловом, так и в функциональном отношениях.

Но до сих пор противостоят один другому два основных подхода к проблеме эстетической сущности жанра, когда эта категория рассматривается либо как содержательно-формальная, то есть основанная на стуктурно-семантическом принципе (М.М. Бахтин, Ю.Н. Тынянов, М.Б. Храпченко, В.В. Кожинов, Ю.В. Стенник, Н.Л. Лейдерман, И.П. Смирнов, Н.Д. Тамарченко), либо как проблемно-содержательная (Г.Н. Поспелов, Л.В. Чернец, А.Я. Эсалнек). Стремление отдельных учёных (Т.А. Касаткина) пересмотреть такие методологические критерии жанровой типологии пока успехом не увенчались. Указанные два теоретико-методологических подхода к жанру как принципиально не формальной категории в наиболее отчётливом виде проявились в работах М.М. Бахтина, Г.Н. Поспелова и учёных их научных школ.

Согласно точке зрения М.М. Бахтина, изучение жанра предполагает раскрытие эстетической природы его «понимающих» возможностей. В теории жанра М.М. Бахтина доминантными являются проблемы «целостности» как воплощения «понимающего овладения и завершения действительности» («жанр есть типическое целое художественного высказывания, притом существенное целое, целое завершённое и разрешённое»); «внутреннего тематического отношения к действительности» («каждый жанр по-своему тематически ориентируется на жизнь»); «внутренней завершённости и исчерпанности самого объекта» («распадение отдельных искусств на жанры в значительной степени определяется именно типами завершения целого произведения»); диалектики «устойчивого», «повторяющегося» («архаика» жанра, «затвердевший жанровый костяк») и изменчивого («нового»), рассматриваемой с позиций историзма; внутренней диалогичности произведения, «высказывания» («диалогическая ориентация слова», «обращённость, адресованность высказывания» как «конститутивная особенность» [3]). «Тип проблематики» у М.М. Бахтина является одним из важнейших слагаемых жанроопределения. В каждом жанре, подчеркивал он, раскрывается специфическая, «качественная сторона жизни тематически понятой действительности, связанная с новым, качественным же построением жанровой действительности произведения» [3, с. 185]. «Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра»: «жанровая действительность произведения» – это воплощение «архаики» и «нового» в содержательно-формальной целостности. «Понять определённые стороны действительности, – считал М.М. Бахтин, – можно только в связи с определёнными способами выражения», а сами способы «применимы лишь к определённым сторонам действительности». Таким образом, жанр в трактовке учёного является важнейшим звеном связи социальной действительности и художественной реальности: «жанр уясняет действительность, действительность проясняет жанр» [3, с. 142]. «Сущность и объём самого содержания» [3, с. 327] каждого жанра создают основу для «предугадывания» «смыслового цело-

го», для «предвосхищения завершённости» [4, с. 382]. Уже под «объёмом» содержания произведения мы рассматриваем функцию предварительного «информирования» читателя об особенностях пересоздания жизненного материала, характерных для данного жанра.

Другая методологическая парадигма представлена работами учёных школы Г.Н. Поспелова, рассматривающих жанр как категорию содержания. Согласно концепции Г.Н. Поспелова, «жанры» не являются «видами» литературных родов, поскольку родовые и жанровые свойства произведений выражают разные сущности «типологических свойств художественного содержания произведений» [5, с. 204, 206]. Поэтому исследователя интересовали не столько родовые, видовые и жанровые отношения, сколько проблемы «жанрового содержания» и «жанровой формы». Но поскольку компетенция жанра как научной категории у Г.Н. Поспелова распространялась лишь на область содержания, то эти аспекты не могли стать инструментом анализа жанрового образования как содержательно-формальной целостности. Форма произведений непрерывно исторически изменяется, а потому невозможно особенности жанра искать в этой области. Г.Н. Поспелов утверждал, что могут быть исторически повторяющиеся различия в форме [6, с. 155, 156]. В одном случае, таким образом, речь идёт о конкретном произведении, а во втором – о жанровых критериях, учитывающих структурные признаки. Допустить, что конкретное произведение может обладать типологическими свойствами одного жанрового содержания и типологическими свойствами жанровой формы, приспособленной к воплощению любого другого, можно только на основе представления, будто художник, говоря словами М.М. Бахтина, «втискивает... материал в готовую плоскость» этого произведения. Г.Н. Поспелов считает, что жанровые свойства не являются свойствами формы, выражающей содержание (это «типологические свойства самого... художественного содержания»), то «жанровая форма» обусловлена «родовым содержанием» и является разновидностью «родовых форм» [6, с. 206–210]. В работах Г.Н. Поспелова «жанр» и «жанровая форма» – это понятия почти тождественные [6, с. 230, 239].

Развивая плодотворную идею «жанрового содержания» Г.Н. Поспелова, Л.В. Чернец, А.Я. Эсалнек обращают внимание на то, что рассмотрение жанра обязательно предполагает выход в стиль, форму, поэтику. «Жанровое содержание» в исследованиях Л.В. Чернец, А.Я. Эсалнек преобразуется в категорию «типа проблематики», «содержательного «цемента» того или иного жанра» (имеется в виду «доминирующая, генерализующая, централизующая проблема или группа проблем, которые играют как бы руководящую роль, «предписывая» выбор, расположение и соотношение художественных пластов, составляющих содержание произведения»), его «содержательных особенностей» [7, с. 21, 23]. Признавая ведущим началом в жанровых образованиях проблемно-содержательную типологию, Г.Н. Поспелов и другие неоднократно подчеркивали, что эта традиция идёт от Гегеля и Белинского. Но к этим традициям гораздо ближе М.М. Бахтин, всегда имевший в виду «сущность и объём самого содержания», то есть особый тип «тематического завершения» «целого» и «оформляющего понимания действительности» [4, с. 176, 180]. Таким образом, концепция жанрового события интегрирует понятие «типа проблематики» и идею «конструктивного принципа» произведений того или иного жанра, обусловленного данной проблематикой.

При рассмотрении жанра в контексте методологических традиций реализуются потребности интеграционного исследования его познавательных и моделирующих функций. Такое исследование жанра организуется в процессе установления его целостности на основе дифференциации и интеграции жанрообусловливающих, жанроформирующих, жанрообразующих факторов и жанрообразующих средств, а также выявления их соприродности друг другу и создаваемому ими «целому». Такая система нацелена на раскрытие органического единства «архитектонически устойчивого» и «динамически живого» в жанре, типологического («архаика» жанра) и исторического, устойчивого и изменяемого, «старого» и «нового» в нём. Она ориентирована на анализ качественной специфики содержательных и формальных компонентов, основных особенностей жанровой структуры (конструктивного принципа жанра) в перспективе её непрерывного развития. Обусловливающие факторы, фиксирующие уровень познавательно-содержательных возможностей произведений определённого типа, связаны с такими понятиями, как «тематическая ориентация на жизнь», «проблематика жанра», «жанровое содержание», «тип проблематики», но в отличие от них в большей мере ориентированы на анализ концепции человека в его отношении к миру, являющейся «ядром» того или иного жанра. Определение дефиниций жанроформирующих, как принцип сюжетно-композиционной организации, концептуальный хронотоп, тип повествования, так и жанрообразующих («идея человека», жанровая доминанта) факторов категориального уровня вызвано необходимостью более чёткого обозначения двух аспектов абстрагирования: видового (где учитываются типологические структурные принципы) и жанрового (когда исторически сложившийся тип художественной конструкции, определяющий специфическое содержание, анализируется в процессе выявления связей типологического и индивидуального, общего, особенного и единичного в жанре

каждого произведения). Жанроформирование – это сфера видовых характеристик, обусловленных родовой природой и фиксирующей черты обобщённой, абстрагированной модели произведений данного типа; жанрообразовательные процессы связаны с воплощением родовых и видовых свойств на уровне метода и стиля в конкретном произведении.

Именно так, исследуя жанровую структуру, можно понять, какими средствами, способами осуществляется «видение и понимание действительности» в том или ином произведении. В жанре объективируется определённая эстетическая концепция действительности, которая раскрывает своё содержание во всей целостности «художественного высказывания». Исследование органичности взаимосвязей обусловливающих, формирующих и образующих факторов и образующих средств неотделимо от понимания специфики «формосодержания», связей традиционного и новаторского в каждом подлинно художественном произведении. Анализ данных факторов позволяет преодолеть тенденцию к определению неких всеобщих признаков жанра, попытки фетишизации каких-либо отдельных жанроопределяющих начал. Познавательную природу жанра характеризует не сумма компонентов, а эстетическое качество «смыслообразующего целого».

«Сущность содержания» непосредственно определяется действием жанрообусловливающих, а «объём» жанрового «события», «жанровая форма», «тип структуры» – формирующих и образующих факторов и средств. Все эти аспекты жанра взаимопроникают, «прорастают» друг в друга, выполняя специфические функции. Изучение соприродности обусловливающих, формирующих и образующих факторов, жанровых средств и способов «видения и понимания действительности» друг другу и создаваемому их органической взаимосвязью целому является важнейшей задачей современной генологии.

Современные генологические исследования направлены на осмысление категории жанра, его сущностных характеристик, поиск жанровых констант, логики зарождения и изменения жанров. Считается, что наличие классификации позволяет не только упорядочить, но более целостно и полно охватить материал, внести существенные уточнения в дефиниции. Более того, исследователи указывают на эвристическую ценность классификации, так как нахождение общего и закономерного в имеющемся материале позволяет прогнозировать некоторые тенденции функционирования изучаемого класса объектов.

Список литературы

1. Смирнов И.П. Олитературенное время. (Гипо)теория литературных жанров. – СПб., 2008.

2. Кихней Л.Г. К герменевтике жанра в лирике; под общ. ред. проф. В.М. Головко // Герменевтика литературных жанров. – Ставрополь, 2007.

3. Бахтин М.М. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику / М.М. Бахтин, П.Н. Медведев. – Л., 1928.

4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.

5. Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. – М., 1972.

6. Поспелов Г.Н. Вопросы методологии и поэтики. – М., 1983.

7. Чернец Л.В. Литературные жанры: проблемы типологии и поэтики. – М., 1982.

8. Эсалнек А.Я. Основы литературоведения. Анализ романного текста. – М., 2004.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Яковенко Е.Н.

Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск, e-mail: e.n.yakovenko@mail.ru

Способы, средства и механизмы отражения окружающей реальности определяются индивидуальным «Я», постоянно меняющейся уникальностью языковой личности. Мир, в котором живет и творит человек, – это далеко не весь объективный, материальный, независимый от человека мир, а только тот, который он практически и понятийно-мыслительно создал. В основе картины мира человека лежит его индивидуальное когнитивное пространство – определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает языковая личность. Каждый человек наряду со своим индивидуальным когнитивным пространством обладает набором коллективных когнитивных пространств и когнитивной базой того национального лингвокультурного сообщества, членом которого он является. Разные индивиды всегда будут придавать одним и тем же объектам, ситуациям собственные, присущие только им, содержания и неповторимые смыслы. Индивидуальная картина мира, помимо интеллектуального компонента (информация о мире), включает в себя модальный компонент – разноаспектную оценку данной информации. Каждый человек интерпретирует мир в собственном духе, преломляя элементы действительности через социально-психологические, философские, идеологические и т.п. плоскости. Картины мира формируют элементы, отражающие социальную среду, эстетические идеалы, культурные традиции народа, национальный характер и ментальность языковой личности. Однако если смысловые индивидуальные контексты коммуникантов и их речевая интерпретация имеют одинаковые цели и намерения, соответствуют нормам как морально-этическим, так и языковым (речевым), то между ними легко достигается взаимопонимание [13, с. 76].

Создателем индивидуальной и языковой картины мира является познающий субъект, который при описании действительности ставит целью не только обозначить в языке реалии, понятия и